

Голубцов А. П. Об обрядовой стороне таинства елеосвящения: [Пробная лекція] // Прибавления к Творениям св. Отцов 1888. Ч. 42. Кн. 3. С. 113–130 (1-я пагин.).

Объ обрядовой сторонѣ таинства елеосвященія ¹⁾).

Церковное послѣдованіе, извѣстное у насъ подъ именемъ елеосвященія, точнѣе елеопомазанія, въ греческомъ требникѣ носитъ названія: *ἀχαιοῦδία τοῦ ἁγίου, ἔλαιου, τάξις τοῦ εὐχέλαιου, ἐπταπαπᾶδιον* и другія. Хотя ни одно изъ этихъ названій не соотвѣтствуетъ вполнѣ славянскому, но ближе подходитъ къ нему второе: *τάξις τοῦ εὐχέλαιου*, чинъ молитвъ надъ масломъ. Въ основаніи этого послѣдованія лежитъ стародавнее, дохристіанское употребленіе масла, какъ лечебнаго средства, съ которымъ соединялось и символическое значеніе елея, служившаго знакомъ помилованія и снисхожденія, выраженіемъ божественнаго милосердія къ страждущему. Излишне приводить здѣсь доказательства въ пользу довольно распространеннаго въ языческой древности употребленія елея, какъ мистическаго средства врачеванія ²⁾; достаточно въ данномъ разѣ замѣтить, что нѣкоторыя мѣста священ-

¹⁾ Пробная лекція, прочитанная 1887 г. сент. 9 дня студентамъ М. Д. Академіи, въ присутствіи членовъ Академическаго Совѣта.

²⁾ См. у Августи *Denkvürdigkeiten aus d. christl. Archäolog. V. IX*, p. 467.

наго писанія ¹⁾, а еще болѣе свидѣтельства Талмуда и раввиновъ не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что помазанiе больныхъ елеемъ было у евреевъ въ большомъ употребленiи и даже дозволялось въ субботу. Вѣроятно, имѣя въ виду практику своего времени, а быть-можетъ и не безъ личнаго указанiя Господа, апостолы во время своего перваго выступленiя на проповѣдь «многихъ больныхъ *мазали масломъ* и исцѣляли» ²⁾. Безъ сомнѣнiя, на основѣ подобнаго же обряда, практиковавшагося въ іудейской синагогѣ, апостолъ Іаковъ даетъ наставленiе христіанамъ изъ іудеевъ «призывать пресвитеровъ церковныхъ къ больному, чтобы они *помолились* надъ нимъ, *помазавши его елеемъ* во имя Господне» ³⁾. Усвоивъ для христіанскаго таинственнаго врачеванiя готовую обрядовую форму, апостолъ кромѣ того упомянулъ о *молитвѣ*. Послѣдняя и составляетъ первую литургическую основу обряда, который впослѣдствiи разросся въ цѣлую сложную систему. Мы не знаемъ апостольской молитвы елеосвященiя, хотя судить о ней, какъ и вообще о содержанiи и характерѣ первоначальныхъ евхелейныхъ молитвъ, можно отчасти по той весьма небольшой по объему молитвѣ надъ масломъ, которая находится въ Апостольскихъ Постановленiяхъ (VIII, 29) и въ которой священнодѣйствующій молится, «*чтобы Господь даровалъ елею силу возстановлять здоровье, исцѣлять болѣзни, отражать демоновъ и всѣ вражескія козни*». Продолженiемъ древне-христіанскихъ евхелейныхъ молитвъ и болѣе или менѣе ихъ вѣрнымъ отголоскомъ могутъ служить позднѣйшія врачевальныя молитвы,

¹⁾ Исаіи 1, 6; Іерем. VIII 22, Лук. X, 34 и др.

²⁾ Марк. VI, 13. 4.

³⁾ Іаков. V, 14.

изъ которыхъ однѣ назначены противъ извѣстнаго рода болѣзней, напр лихорачки, головной боли, болѣзни глазъ. другія имѣютъ болѣе общее содержаніе и направлены противъ діавола, который считается и считается виновникомъ разныхъ болѣзней и павожденій. Въ теперешнемъ большомъ требникѣ осталось три-четыре такого рода молитвы надъ больными; въ старинныхъ же славянскихъ требникахъ онѣ составляли особую довольно значительную группу, въ которой попадаются и молитвы апокрифическаго содержанія, близкія къ народнымъ заговорамъ, съ примѣсю суевѣрныхъ представленій того времени. Въ образецъ этихъ послѣднихъ приведу двѣ молитвы надъ «*лавою болящимъ*» по одному рукописному требнику XVI—XVII в. «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Господи помилуй, Господи помози главе и полглаве его На главнемъ (вѣроятно лобномъ) мѣсте распятыя Господь и взять болѣзнь главе. Икоже хожане на горе синайстей, обрѣте гробъ отверсть, дѣву лежащу въ немъ и рече ей: что имани, что лежиши? Господи, глава ми болитъ и Господь положи руку на ней и рече ей: тебѣ глаголю главо, не боли главо ни полглавы. Во имя Отца распятыя Господь, Господь пострада, воскресе: Господи помяни мя всегда, нынѣ и присно» ¹⁾. Другая молитва подобнаго же содержанія «Христось истинный Богъ Нашъ, Иже возложи честный и животворящій крестъ Адаму на главу Адамъ же не поболь ни главою, ни очима, *ни нежидомъ*, тако я се рабъ Божій да не поболитъ ни главою, ни очима, ни нежидомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа» ²⁾.

Начавшись съ простѣйшей формы (врачевальныхъ

1) Ркн. требн М. Д. Ак. V 85 л. 199.

2) Ibid 1. 197.

молитвъ), послѣдованіе елеосвященія съ вѣроятностію слагалось мало по малу; за отсутствіемъ впрочемъ положительныхъ данныхъ нѣтъ возможности слѣдить за процессомъ этихъ наслоеній и на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій приходится довольствоваться отрывочными указаніями. Гоаръ въ своемъ ехнологіи между прочимъ пишетъ, что онъ видѣлъ въ одной древней рукописи двѣ евхелейныя молитвы: одну съ надписью имени Іоанна Златоуста, другую съ именемъ Василія Великаго ¹⁾. Существованіе молитвъ съ означенными надписями важно: оно указываетъ на участіе въ устройствѣ разсматриваемаго послѣдованія двухъ великихъ отцовъ Церкви, *«слагавшихъ, по словамъ св. Софронія, молитвы и возношенія и полное послѣдованіе священныхъ службъ»*. Къ сожалѣнію, изъ надписей не видно, въ чемъ состояли труды означенныхъ лицъ по устройству чина елеосвященія: въ пересмотрѣ ли существовавшихъ молитвъ и избраніи изъ нихъ лучшихъ и наиболѣе соотвѣтствующихъ характеру и цѣлямъ этого священнодѣйствія, или же въ составленіи ими совершенно новыхъ молитвословій. Съ VIII—IX стол. исторія обрядовой стороны таинства елеосвященія становится опредѣленнѣе; около этого времени чинослѣдованіе пріобрѣтаетъ на греческомъ востокѣ тотъ приблизительно видъ, въ какомъ оно извѣстно въ нашемъ теперешнемъ требникѣ. Изъ этого времени дошелъ до насъ замѣчательный своею древностію ехнологій, отъ имени своего владѣтеля получившій названіе Барберинова; между другими послѣдованіями онъ содержитъ и *«чинъ какъ нужно творитъ св. слей для больныхъ, призывающихъ семь пресвитеровъ»*

1) Ех̄лог̄у. р. 440.

вечеромъ»¹⁾. О составѣ чина елеосвященія по этому литургическому памятнику мы скажемъ нѣсколько ниже, а теперь замѣтимъ только то, что существеннѣйшую и, надо полагать, самую древнюю часть въ немъ составляютъ семь молитвъ и, безъ сомнѣнія, главная изъ нихъ, начинающаяся словами: «Отче Святыи, Врачу душъ и тѣлесъ»... Кто былъ составителемъ этихъ молитвъ?— неизвѣстно ни изъ надписей надъ ними, ни изъ другихъ источниковъ; только творецъ канона оставилъ о себѣ извѣстіе въ акростихѣ, по которому расположены его тропари, и который читается: εὐχὴ ἐλαίου ψαλμὸς Ἀρσενίου. Впрочемъ акростихъ проведенъ не по всеѣмъ строфамъ канона, и нѣкоторыя стоятъ внѣ связи съ нимъ. Мы думаемъ, что онѣ съ теченіемъ времени выпали и замѣнены другими позднѣйшаго происхожденія. Кто былъ этотъ Арсеній? Алляцій и Аркудій, писатели-паписты XVII в. полагаютъ, что это былъ Монемвасійскій епископъ Арсеній, жившій въ XV в. и состоявшій въ уни съ Римомъ, но канонъ этотъ, какъ я уже сказала, раннѣйшаго происхожденія, а потому гораздо основательнѣе предположеніе Гоара, относящаго его къ Арсенію монаху, который жилъ въ концѣ IX в. и былъ современникомъ патріарха Игнатія и императора Василія Македонянина²⁾

Въ X—XIII вв. наше послѣдованіе вѣроятно имѣло краткій составъ, было извѣстно подъ именемъ «службы за болящаго» и въ этомъ своемъ простѣйшемъ видѣ оно состояло изъ нѣсколькихъ тропарей, апостола, евангелія и двухъ—трехъ молитвъ, относящихся къ данному случаю. Въ позднѣйшемъ, сложившемся видѣ разсматриваемый нами чинъ извѣстенъ изъ тробни

1) Joag. Ευχολ. р. 428—430.

2) Ibid. р. 434.

ковъ XIV — XVII столѣтій и представляетъ нѣсколько редакцій, отличающихся содержаніемъ и построениемъ отдѣльныхъ частей, равно какъ и группировкой однихъ и тѣхъ же обрядовъ ¹⁾ Остановимся здѣсь на двухъ изъ нихъ какъ наиболѣе характерныхъ, далеко не соответствующихъ послѣдованію нашего требника. Самая краткая редакція имѣетъ слѣдующій видъ: обычное начало, нѣсколько просительныхъ и покаянныхъ тропарей, апостолъ изъ соборнаго посланія Іакова, гдѣ упоминается о призваніи пресвитеровъ къ больному, евангеліе объ исцѣленіи ослабленнаго при овчей купели, затѣмъ совершительная молитва надъ главою болящаго: «Отче Святыи, Врачу душъ и тѣлесъ...», потомъ священникъ помазуетъ больного съ произнесеніемъ словъ: «Благословеніе Господа Бога Спаса Нашего на исцѣленіе души и тѣлу...» Помазаніе сопровождается второю молитвою. «Благоутробне Господи милостиве Боже нашъ.», въ которой священникъ молить Господа, чтобы чрезъ возложеніе его грѣшной руки сообщилось по милости Его исцѣленіе болящему. Послѣдованіе заканчивается сугубою ектеніею и отпускною молитвою: «Владыко многомилостиве Господи Иисусе Христе.» ²⁾ Какъ видимъ, здѣсь весь обрядъ рассчитанъ не на семь священниковъ, а на одного совершителя. Болѣе подробную записъ представляетъ

¹⁾ Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о разнѣхъ чинослѣдованіяхъ елеосвященія въ истѣзованіяхъ: П. Опшцова, «Порядокъ обществяннаго и частнаго болю дуженія въ древней Россіи до XVI в.», А. Л. Калаганскаго, «Очеркъ исторіи обрядовой стороны чинослѣженія елеосвященія» (Христ. Чит. 1880 №№ 7—8), А. А. Давридьскаго, «Гнослуженіе въ Русской церкви за первые пять вѣковъ» (Справ. Собор. 1883. III) и етоже «Богослуженіе въ Русской церкви въ XVI в.»

²⁾ Рки. требн. М. Д. А. № 85 л. 212 обор.—249.

греческій требникъ XIV в. Іоанна Кантакузена Елеосвященіе совершается по нему семью священниками и начинается тремя антифонами съ промежуточными ектеніями и пѣснію „Единородный Сыне“, затѣмъ слѣдуетъ входъ, что само собою предполагаетъ совершеніе елеосвященія при храмѣ, а не въ домѣ, съ пѣніемъ стиха: „Приидите, поклонимся...“, съ возгласомъ священника: «Яко святъ еси Боже нашъ..» и трисвятымъ Чтеніе апостола и евангелія и ектенія: „Рцемъ вси отъ всея души...“ служатъ переходомъ къ самому елеосвященію и составляютъ первое изъ семи отдѣленій этой службы. На каждомъ изъ такихъ отдѣленій полагается апостоль, евангеліе и двѣ молитвы, при чемъ каждый разъ совершается помазаніе однимъ изъ священниковъ. Ни канона, ни тропарей нѣтъ; елеосвященіе заканчивается отпускомъ. Только что представленное изложеніе послѣдованія, по нашему мнѣнію, не безынтересно. Своимъ началомъ оно невольно напоминаетъ литургію—обстоятельство, которое даетъ изслѣдователю основаніе предполагать, что когда-то и *элеосвященіе*, подобно прочимъ таинствамъ, было тѣсно связано съ литургіей и что начало его, по требнику Іоанна Кантакузена, есть не что другое, какъ не совсѣмъ удачный сколокъ съ нѣкогда полнаго и вполне законченнаго послѣдованія. Упомянутый нами Барбериновъ евхологій, а также и нѣкоторые другіе старославянскіе рукописные требники подтверждаютъ эту догадку. Они представляютъ обряды разсматриваемаго таинства въ весьма сложномъ видѣ и излагаютъ такія его части, которыхъ вовсе нѣтъ въ теперешнемъ печатномъ чинѣ елеосвященія. Полный составъ этой службы былъ излагаемъ здѣсь по аналогіи съ вечерней и утреней, къ которымъ самое елеосвященіе съ его молитвами приключило, какъ

особая дополнительная часть, или, лучше сказать, оно составляло зерно, около котораго наслоились и группировались названные службы. Полная служба *εὐχέλαιου*, судя по этимъ даннымъ, начиналась съ вечера, и въ нее входили тѣ части, изъ которыхъ слагалась и слагается вечерня и утренняя или *παινοχίς* именно: стихиры на „Господи воззвахъ“, канонъ, хвалитны. Указаніе на этотъ составъ предварительной части елеосвященія сохранилось и въ теперешнемъ требникѣ, гдѣ послѣ канона замѣчено: „аще убо есть вечеръ, бываетъ отпустъ; аще ли есть зутрія“, то готовится столецъ для лампы съ масломъ... и служба продолжается. Продолженіемъ елеосвященія служило на другой день отправленіе литургіи за больнаго, причемъ антифоны и молитвы, чтенія изъ апостола и евангелія, также нѣкоторыя прошенія на ектеніяхъ принаровлялись къ характеру основнаго послѣдованія. Самый обрядъ *εὐχέλαιου* совершался уже послѣ литургіи и былъ обставленъ семью молитвами съ такимъ же числомъ апостоловъ и евангелій, послѣдовательно исполнявшихся каждымъ изъ семи священниковъ. Все послѣдованіе заканчивалось молитвою, во время которой возлагалось евангеліе на голову больнаго; пресвитеры также возлагали свои руки на больнаго и всѣ вмѣстѣ произносили эту молитву, слѣдуя вполголоса за словами первенствующаго священника. Въ заключеніе читалась одна изъ молитвъ надъ исповѣдниками, потому что въ древности елеосвященіе надъ больными соединялось съ исповѣдью и разрѣшеніемъ ихъ грѣховъ.

Тѣсная связь съ отдѣльными церковными службами, *преимущественно же съ литургіею*, составляющая отличительную особенность сейчасъ представленнаго послѣдованія елеосвященія, становится еще осязательнѣе, такъ сказать, въ другихъ редак-

ційхъ свхелейнаго обряда, извѣстныхъ намъ изъ практики восточныхъ сектантовъ. По одному изъ такихъ послѣдованій елеосвященіе *совершается непременно въ церкви*, обрядъ какъ и у насъ, справляется семью священниками и состоитъ изъ семи отдѣленій съ особыми чтеніями изъ апостола и евангелія и двумя молитвами. Одна изъ этихъ молитвъ — просительная за больного и эта тема варьируется на разные мотивы въ каждомъ изъ семи отдѣленій; но содержаніе другой молитвы очень разнообразно и состоитъ изъ прошеній: о мирѣ церкви и благосостояніи ея членовъ, начиная съ правительства, о благораствореній воздуха, объ освобожденіи народа отъ непріятелей и всякихъ враждебныхъ нападеній, о принесшихъ дары и о помогающихъ церкви своими приношеніями, о прекращеніи идолопоклонства, объ оглашенныхъ и введеніи ихъ въ лоно церкви, объ умершихъ и живущихъ братіяхъ. Эти молитвы священника каждый разъ предваряются обращеніемъ діакона къ присутствующимъ, чтобы они молились о томъ-то и о томъ-то. Послѣ седьмаго возгласа и седьмой молитвы больной подходитъ и принимаетъ помазаніе. Спрашивается: *какъ могло войти такое множество и при томъ такихъ разнообразныхъ прошеній въ составъ службы, имѣющей свое особое спеціальное содержаніе и что между ними общаго?* Эти прошенія внесены сюда изъ большой молитвы о церкви, ея членахъ и нуждахъ, читаемой священникомъ на литургіи послѣ освященія Даровъ, а внесены они потому что освященіе елея для помазанія больного совершалось именно въ это время, въ знаменательную часть службы, послѣ освященія Даровъ, и вотъ отдѣльныя части литургійной молитвы стали исполняться попережку съ спеціальными молитвами елеосвященія. Очень вѣроятно, что этотъ чинъ

прежде занесенъ и записанъ былъ въ самомъ составѣ литургіи, а при своемъ выдѣленіи захватилъ съ собою и тотъ спеціально литургійный матеріалъ, къ которому былъ привязанъ по своему положенію. Въ заключеніе сейчасъ изложеннаго нами послѣдованія елеосвященія считаю нужнымъ прибавить, что послѣднее совершалось въ церкви даже и тогда, когда тяжело больного не находилось тамъ на-лицо. Въ этомъ случаѣ елеосвященіе было пичѣмъ инымъ, какъ моленіемъ за больного предъ Дарами евхаристіи, самому же обряду елеопомазанія больной подвергался у себя на дому. куда служащіе священники приходили уже съ освященнымъ на литургіи масломъ. Въ нашемъ теперешнемъ требникѣ разсматриваемый чинъ имѣетъ болѣе сжатый видъ и стоитъ внѣ всякой связи съ литургіею

Послѣ краткаго обзора нѣкоторыхъ редакцій занимающаго насъ послѣдованія естественно спросить: какія же изъ нихъ принадлежатъ къ позднѣйшей его обработкѣ и какая должна быть признана за первоначальную? Намъ думается, что древнѣйшею формою данной аколуюѳи нужно считать или коротенькую *службу о недужныхъ* или тотъ строй *εὐχέλαιου*, который образовался въ связи съ литургіею.

Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ служба, рассчитанная на больныхъ, отличалась такою полнотою и справлялась въ нѣсколько приемовъ съ значительными перерывами. Но чтобы это недумѣніе потеряло свою силу, нужно отрѣшиться отъ теперешней практики, когда елеосвященіе въ большинствѣ случаевъ совершается надъ опасно больными и совершается, разумѣется, наскоро. Прежде прибѣгали къ этому таинству люди, настолько владѣвшіе физическими силами, что могли приходиться въ церковь и здѣсь слушать полное послѣдованіе. Въ

причина, почему даже и въ теоретическихъ требованіяхъ, не говоря о древнѣйшихъ, дѣлается замѣчаніе что эта служба справляется надъ больнымъ въ церкви или дома, ἐν ἐκκλησίᾳ ἢ ἐν οἴκῳ, почему рядомъ съ выраженіями о трудно больномъ встрѣчаются и такія: «подходить желающій собороваться къ священникамъ. принимаетъ отъ нихъ благословеніе, дѣлаетъ извѣстное число поклоновъ». Дѣло идетъ, очевидно, не объ умирающемъ, да и въ самомъ содержаніи молитвъ нѣтъ указаній на то, чтобъ объектомъ таинства былъ тяжело и безнадежно больной. Въ греческой церкви это таинство хотя и совершалось надъ больными, но не имѣло значенія *extremae unctionis* или напутствія умирающимъ. Симеонъ Солунскій въ свое время говорилъ, что Латиняне, «благодаря своимъ нововведеніямъ, исказили истинный смыслъ этого таинства и стали совершать его не надъ болящими, но надъ умирающими» ¹⁾. Впрочемъ, болѣе безпристрастные изъ западныхъ писателей склоняются къ той мысли, что первоначально и въ западной церкви это послѣдованіе не имѣло того исключительнаго характера, какой получило впоследствии, и ссылаются при этомъ на сакраментарій, извѣстный съ именемъ папы Григорія, *sacramentarium Gregorianum* ²⁾ Выраженіе ἐν ἐκκλησίᾳ можно объяснять изъ обычая средневѣковыхъ и новыхъ грековъ приносить своихъ больныхъ въ церковь въ надеждѣ исцѣленія, особенно гдѣ были чудотворныя иконы или мощи. Больныхъ клали въ церковномъ притворѣ на хорахъ или въ особенныхъ, нарочито для болящихъ устроенныхъ при церкви зданіяхъ, гдѣ они остава-

1) Сочиненія бл. Симеона архіепископа Солунскаго и др. стр. 365.

2) *Ευχολ. Ζωαγ* р. 433 пог. 3.

лись по нѣскольку времени и подвергались церковнымъ обрядамъ. Относительно такихъ больныхъ безъ сомнѣнія было совершенно удобно совершать елеосвященіе съ канономъ, литургіею, съ цѣлымъ рядомъ подготовительныхъ и заключительныхъ обрядовъ. Наконецъ, нужно взять въ расчетъ и слѣдующее характерное обстоятельство, которое имѣло мѣсто въ практикѣ греческой церкви. Елеосвященіе нерѣдко совершалось тамъ не надъ больными, а надъ здоровыми. Симеонъ Солунскій говоритъ, что въ его время нѣкоторые изъ благочестивыхъ людей еще заживо совершали надъ собою таинство елеосвященія въ умилоствленіе за себя и ради окончательнаго отпущенія грѣховъ... Совершать елеосвященіе, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можно во всякое время надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, а не одинъ только разъ, потому что сказано: «исповѣдайте другъ другу согрѣшенія»,—очевидно во всякое время, а не однажды, и «молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете»,—не одинъ только разъ, но постоянно, потому что мы и падаемъ постоянно 1). Въ этомъ случаѣ елеопомазаніе имѣло значеніе покаяннаго акта и служило выраженіемъ прощенія грѣховъ. Очевидно, здѣсь сохранилось воспоминаніе о томъ времени, когда разрѣшеніе грѣховъ исповѣдника соединялось съ помазаніемъ, и елей употреблялся какъ символъ прощенія. Какъ такое дѣйствіе, оно могло имѣть значеніе средства, предупреждающаго болѣзнь тѣла, а потому для всѣхъ и во всякое время полезное. Чаще всего оно справлялось въ великій четвергъ, въ тотъ знаменательный литургическій день, когда совершалось воссоединеніе съ церковію кающихся и много другихъ особенныхъ обрядовъ, какъ напр. при-

1) Ibid. 367—68.

готовленіе мѹра, въ монастыряхъ омовеніе ногъ настоятелемъ избранной братіи, омовеніе трапезы и мощей, приготовленіе запасныхъ даровъ, благословеніе новаго огня и, наконецъ, освященіе елея для помазанія больныхъ и одержимыхъ демонами, какъ запасъ на круглый годъ. *Benedictio olei* безъ сомнѣнія совершалось въ этотъ день по аналогіи съ освященіемъ мѹра и въ воспоминаніе елея грѣшницы, помазавшей ноги Спасителя; при этомъ надъ всѣми присутствующими въ церкви совершалось елеопомазаніе. Въ нѣкоторыхъ русскихъ монастыряхъ, напр. въ здѣшной лаврѣ, этотъ знаменательный обрядъ совершается и доселѣ; но съ особенною торжественностью и благолѣпіемъ онъ справлялся встарину при патріархахъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ ¹⁾).

Въ близкой связи съ описаннымъ обрядомъ таинства елеосвященія стоитъ обычай, державшійся въ нѣкоторыхъ греческихъ монастыряхъ, совершать таинство елеосвященія надъ всею братіею въ Лазареву субботу. По описанію, находящемуся въ уставѣ императрицы Ирины, въ монастырѣ, ею основанномъ, обрядъ этотъ справлялся такимъ образомъ: семь священниковъ приходили въ этотъ день на монастырское кладбище и въ тамошней церкви совершали *ἐπιταπιδίου*; отсюда одинъ изъ нихъ отправлялся въ самый монастырь, потому что кладбище было отдѣлено отъ него оградой. Произнесши здѣсь молитву надъ елеемъ при собравшихся монахиняхъ, онъ помазывалъ каждую изъ нихъ поочередно и затѣмъ немедленно уходилъ. Этотъ любопытный обрядъ совершался, какъ видите, на кладбищѣ и можетъ служить для насъ переходомъ къ новой формѣ таинства еле-

¹⁾ См. объ этомъ Древн. Россійск. Вивліое, т. IX. Треод. II въ ст. Н. Ф. Красносельцева въ Правосл. Соб. 1887 г. № 5.

освященія, имѣвшей приложеніе къ обрядамъ погребенія — На эту сторону дѣла, сколько намъ извѣстно, первые обратили вниманіе покойные описатели рукописей московской синодальной бібліотеки. Описывая одинъ изъ здѣшнихъ требниковъ, они остановились на особой его статьѣ подъ заглавіемъ: «*чинъ на освященіе масла умершимъ инокомъ и бѣльцемъ*» 1). Въ этой статьѣ записана та же служба, что и въ елеосвященіи, только она примѣняется здѣсь къ лицу уже умершему. Здѣсь читается также семь апостоловъ, семь евангелій и столько же молитвъ, какъ и въ чинѣ елеосвященія, но только всѣ эти чтенія и молитвы имѣютъ заупокойный характеръ. Онѣ заканчивались или помазаніемъ умершаго, или же просто выливаніемъ на него масла изъ лампы: хотя въ самой этой статьѣ и не говорится ничего о такомъ помазаніи, но оно несомнѣнно совершалось, какъ видно изъ другихъ мѣстъ, гдѣ говорится объ этомъ обрядѣ, который составлялъ собою особый торжественный видъ погребенія и былъ первоначально употребляемъ въ монастыряхъ надъ монахами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ канона елеосвященія прямо говорится, что умершій былъ монахомъ. Послѣ этого обрядъ стали справлять и надъ бѣльцами. Обычай помазывать елеемъ умершаго имѣетъ, по нашему мнѣнію, прежде всего историческое основаніе и ведетъ свое начало отъ погребальной практики восточныхъ народовъ, которымъ въ этомъ случаѣ воспользовались христіане. Тамъ, какъ извѣстно, тѣло умершаго умащали ароматами и благовонными мазями, а затѣмъ обвертывали въ полотно или саванъ. Въ этомъ видѣ и предавали тѣло землѣ, или оставляли въ пещерахъ и въ высѣченыхъ искусственно гробахъ.

1) Опис. Синод. ркн. отд. III ч. I № 374 л. 112 об.

Тертуліанъ, Діонисій Александрійскій, Діонисій Ареопагитъ и другіе христіанскіе писатели говорятъ объ этомъ обычаѣ, какъ объ общераспространенномъ между христіанами, а послѣдній даже выясняетъ его внутренній смыслъ, видя въ этомъ обрядѣ выраженіе той мысли, что умершій, какъ бы достойно совершивъ подвигъ земной жизни, борцомъ и труженикомъ сошелъ съ земнаго поприща. Объясненіе взято, очевидно отъ обычая, по которому бойцы и гладіаторы, выходя на арену, мазались масломъ для удобства борьбы. Позднѣйшіе толкователи въ объясненіи обряда идутъ еще дальше и проводятъ аналогію между обрядами крещенія и погребенія, и какъ тамъ, говорятъ они, вступающій въ среду христіанства неофитъ сначала духовно омывается въ купели, а потомъ помазывается муромъ, такъ и здѣсь тѣло умершаго сначала обмывается чистою водою, а затѣмъ— освященнымъ елеемъ. Изъ этой простѣйшей обрядовой формы, которая удержалась вполнѣ и въ теперешнемъ чинѣ погребенія, развилась болѣе сложная и искусственная, — которая осложнилась обрядами таинства елеосвященія и получила видъ особой службы или послѣдованія. Неизвѣстно, какъ она сложилась и къмъ составлена; но что этотъ обрядъ имѣетъ значительную древность, видно отчасти изъ того, что мы сказали на основаніи устава императрицы Ирины. Тамъ елеосвященіе справлялось на монастырскомъ кладбищѣ и, слѣдовательно, имѣло ближайшее отношеніе къ заупокойной службѣ. Въ первой половинѣ XIII в. объ елеосвященіи надъ умершими разсуждаетъ Никифоръ II, патріархъ Константинопольскій, имѣя въ виду сторонниковъ этого обычая; затѣмъ мы находимъ этотъ чинъ въ рукописныхъ требникахъ XIV—XV в. и наконецъ о немъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній Симеонъ Солунскій. Онъ говоритъ, что въ его время на

умершихъ братій поливали елей изъ церковной лампы, и это считалось необходимымъ условіемъ иноческаго погребенія, а на мірянъ, по его словамъ, сыпали персть или пепель изъ кадилаицы и затѣмъ уже предавали тѣло землѣ. Но случалось и такъ, что благочестивые люди, заживо совершивъ надъ собою таинство елеосвященія, просили сберегать остатки этого елея, и, когда умирали, послѣднимъ помазывали ихъ, предавая землѣ... *«Впрочемъ, нѣкоторые совершаютъ таинство елеосвященія прямо надъ усопшими, что одни изъ архіереевъ запрещаютъ, такъ какъ это не предано въ Писаніи, а другіе — нѣтъ, потому что оно совершается на пользу души. Я съ своей стороны, сколько могъ, старался изслѣдовать дѣло и нашелъ, что совершать его похвально и желающимъ это дѣлать не должно препятствовать; впрочемъ, заключаетъ Солунскій, это не тотъ елей, который преданъ Спасителемъ и апостолами..., ибо св. елей одинъ, а не много, и священнодѣйствіе его одно и одно изъ семи таинствъ...»* ¹⁾ Не знаемъ какія данныя имѣлъ для такого неожиданнаго заключенія нашъ литургистъ, равно какъ остаемся въ неизвѣстности и насчетъ *тѣхъ изслѣдованій*, которыя имъ были предприняты; но во всякомъ случаѣ тогда этотъ обычай совершать елеосвященіе надъ умершими былъ въ полной силѣ и составлялъ дополненіе къ обыкновеннымъ обрядамъ монашескаго погребенія. Въ венеціанскихъ изданіяхъ послѣдованіе елеосвященія надъ умершими печатается съ именемъ аѳинскаго митрополита Николая; какъ видно, этотъ послѣдній не отличался большою разборчивостью въ принятіи легендарныхъ сказаній и совмѣстилъ въ своемъ послѣдованіи такіе

¹⁾ Сочиненія бл. Симеона стр. 368—69.

наивные апокрифическіе мотивы, которые дали поводъ Алляцію упрекать наши богослужебныя книги въ разнаго рода суевѣрныхъ выдумкахъ и нелѣпостяхъ. Теперь послѣдованіе елеосвященія болѣе не справляется надъ умершими, и самый этотъ чинъ отошелъ въ область исторіи, какъ одна изъ формъ обряда, уже исчезнувшаго изъ практики, однако его главныя стихіи не погибли вовсе, но вошли въ составъ священническаго погребенія. Дѣло въ томъ, что это послѣднее построено было на основѣ седмичнаго числа, преобладающаго въ елеосвященіи, и кромѣ того сохранило самый обрядъ седмикратнаго помазыванія. Впрочемъ, въ теперешнемъ печатномъ требникѣ и у Гоара въ его евхологіи, этотъ седмикратный мотивъ не выдержанъ, но въ рукописныхъ требникахъ счастливо сохранился и служитъ выраженіемъ замолкшей, но когда то бывшей въ силѣ практики. Символика древняго обряда даетъ себя чувствовать въ нѣкоторыхъ памятникахъ нашей древней литургической письменности, и вотъ напр. что читается въ одномъ изъ славянскихъ рукописныхъ требниковъ нашей академической бібліотеки въ чинѣ священническаго погребенія: «и пришедь единъ отъ священникъ мурсуетъ (усошшаго), яко новокрещена, вшедь у гроба, приѣмъ сосудъ маслиный и возливаетъ на него крестообразно (кійждо) по единому отъ поповъ, дондеже свершатся вси семь поповъ». 1) Впрочемъ, судьба этого обряда въ чистомъ его видѣ была во всякомъ случаѣ непродолжительна. На практикѣ примѣненіе соборованія къ умершему не обходилось безъ затрудненія: какъ приложить прямо къ умершему обрядъ, справлявшійся надъ лицами живыми, хотя бы и больными? Вотъ этимъ то недоразумѣніемъ въ связи съ

1) Ркп. требн. М. Д. А. № 183 гл. 75.

непониманіємъ смысла обряда между простымъ людомъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми неудачными послѣдствіями, появившимися на этотъ случай, и было, вѣроятно, вызвано запрещеніе совершать таинство елеосвященія надъ умершими; отголоскомъ его служитъ правило нашей Кормчей, которое гласитъ: «*надъ умершимъ маслосвященія да не дерзаеши творити отнюдь*» ¹⁾).

А. Голубцовъ.

¹⁾ Номокан. при мірск. потребн. 1639 г. л. 41 пр. 161.